

Slavova L.L. Means of the Notion Component Verbalisation of the Concept POLITICIAN in American and Ukrainian Discourse.

The article analyses the means of the notion component verbalisation of the concept POLITICIAN in American and Ukrainian discourse. The notion component of the concept considered is defined.

Key words: concept, verbal representation of the concept, the political discourse.

Надійшла до редакції 08.10.09

Прийнято до друку 04.11.09

УДК 811.161.2:81'373.7

Солмаз Сулейманова

**КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
В АСПЕКТЕ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
(на материале тюркских и славянских языков)**

Статья посвящена исследованию категории посессивности в славянских, балканских и других языках. На основе анализа лингвистической литературы (академических грамматик и вузовских учебных пособий) представлены основные способы выражения категории посессивности. Автор указывает на средства разных уровней языка для построения посессивных конструкций: лексико-грамматические, словообразовательные, морфологические, синтаксические.

Ключевые слова: категории посессивности, грамматический строй тюркских и славянских языков, контрастивная лингвистика.

Одна из важнейших категорий грамматического строя различных языков мира – категория посессивности – продолжает оставаться объектом исследований. Исследователей привлекают разные аспекты изучения данной категории: это и синхронная, и диахроническая типология посессивности, контрастивная посессивность, содержательный аспект данной категории, план ее выражения и т.п.

В настоящей статье мы будем понимать посессивность как «одну из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой – определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету [1, 388].

Данная категория относится к числу несоответствий в перечне языковых категорий в сравниваемых нами тюркских и славянских языках.

В современных славянских (как академических, так и вузовских) грамматиках категория принадлежности как самостоятельная и субстантивная не представлена при имени существительном, что указывает на ее синтаксический способ образования. Это тем более относится к болгарскому языку, в котором отсутствует категория падежа. Однако вместе с тем данная категория обнаруживает себя в аналитических и синтаксических конструкциях, а также в формах полных и кратких формах прилагательных и возвратно-притяжательных местоимениях.

Проблему посессивности в болгарском языкознании исследовали Т. Бояджиев, Д. Димов [2], Ив. Дуриданов, П. Пашов, Й. Пенчев [3], Р. Русинов [4] и др. Академическая славянская балканистика основательно изучает данную проблему. Свидетельством этому труды Сектора структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики Академии наук России, семинары, совещания и опубликованные сборники тезисов [5], докладов [6].

Следует заметить, что к морфологическим средствам выражения посессивности относится, в основном, разряд притяжательных местоимений, которые могут быть как автономными (как в азербайджанском и болгарском языках), так и энклитиками (как в болгарском языке *ми, ти, си, и, я, го, му*).

В именном склонении (актуальном для азербайджанского языка и неактуальным в силу аналитизма для болгарского) посессивность обычно выражается специальным посессивным, т.е. родительным падежом. С падежными средствами выражения притяжательности могут сочетаться и предложные конструкции, роль которых велика в аналитических языках. В тюркских, а также иранских языках принадлежность в именной группе выражается изафетной конструкцией типа «существительное + прилагательное». Исследования в области посессивности, свидетельствуют о наличии данной категории в славянских, балканских и других языках. Следовательно, ее следует выделять для славянского имени существительного. А поскольку для выделения всякой грамматической категории важно наличие плана выражения (речь об аффиксах принадлежности), то он и станет **объектом нашего изучения**.

В славянских и балканских языках основными способами выражения категории посессивности являются синтаксические конструкции, что и свидетельствует в пользу ее традиционного невыделения в академических грамматиках и вузовских учебных пособиях. Для построения посессивных синтаксических конструкций используются средства разных уровней языка:

- 1) лексико-грамматические (притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, глаголы «иметь», «быть», различные конкретные предлоги);
- 2) словообразовательные (суффиксы притяжательных прилагательных, префиксы прилагательных со значением отрицательной принадлежности, аффиксы и другие средства образования сложных слов с посессивным значением);
- 3) морфологические (формы падежей, в первую очередь родительного и дательного, а также всех остальных падежей);
- 4) синтаксические (модели комбинирования падежных форм, предлогов и порядка слов в составе словосочетания и простого предложения, придаточные определительные предложения в составе сложноподчиненного предложения) (6).

Для организации каждой посессивной конструкции используется одновременно несколько средств разных языковых уровней. Даже простой случай посессивного словосочетания с притяжательным местоимением в русском языке типа *мой дом* (в болгарском языке *моя къща*) требует употребления конкретной лексемы притяжательного местоимения, а также согласования в роде, числе и падеже - для русского языка и в роде, числе - для болгарского языка. Кроме того, срабатывают синтаксические правила порядка слов в словосочетании.

Болгарская посессивная местоименная конструкция выглядит следующим образом: атрибутивное сочетание существительного (объекта обладания) – притяжательное местоимение, согласуемое в роде и числе, например: *мой (моят/моя баща)* «мой отец», *наш (нашият/нашия) съсед* «наш сосед», *нейни(те) другарки* «ее подруги», *ваие(то) портмоне* «ваше портмоне» и т.п. В примерах очевидна сопряженность категорий притяжательности и определенности/неопределенности (речь об употреблении притяжательных местоимений в членной и нечленной формах – мой – *моят/моя*, техен – *техният/техния/тяхната/тяхното*). При этом нечленная форма притяжательного местоимения чаще всего используется в предикативной функции в качестве части именного сказуемого: *Тая къща е моя* «Этот дом мой».

В болгарском языке употребляются и краткие неизменяемые формы притяжательных местоимений в функции несогласованного определения к существительному, образуя особую посессивную конструкцию, например: *моливът ми* «мой карандаш», *чантата ти* «твоя сумка» и т.п.

Как следует из примеров, существительное всегда стоит в препозиции и в членной форме (исключение составляют имена со значением родства типа *брат ми* «мой брат», *дъщеря и* «ее дочь» и т.п.). Слово сочетание *чантата ми моята чанта* передают одно и то же посессивное значение, но посессивность больше акцентируется на существительном с членной формой, указывающей на определенный объект обладания (*чанта* – «сумку»). Имеющаяся разница между подобными словосочетаниями находится в плоскости синтаксической связи их компонентов. С полным притяжательным местоимением согласуется существительное, а с кратким – налицо связь примыкания с постпозицией краткой формы притяжательного местоимения.

Нельзя не упомянуть и посессивные конструкции с возвратно-притяжательными местоимениями, например: *Тот обича своето село* (или *селото си*, но не *неговото село* или *селото му*). К числу типичных балканизмов относится удвоение возвратно-притяжательного местоимения *клитикой си*, например: *заради своята си предпазливост* «из-за своей осторожности».

Именные же посессивные конструкции в современных славянских языках (и в том числе в болгарском языке) образуются по следующей схеме:

1. притяжательное прилагательное + существительное, согласованные в роде, числе и падеже (в ряде славянских языков) или в роде и числе (в болгарском языке);
2. именные посессивные конструкции с формами косвенных падежей существительного, называющего посессора, без предлога. Речь о конструкциях с формой родительного и дательного падежей.

Значение родительного падежа – принадлежность в собственном смысле. Однако в болгарском языке в силу его аналитизма в области именных частей речи нет беспредложных именных конструкций, а эквивалентом словосочетаний с родительным падежом служат сочетания существительного с различными предлогами, например: *майка на Радка* «мать Радки», *клон от дърво* «ветка дерева» и т. п.

Конструкция с формой дательного приименного с посессивным значением является архаической формой и уступает родительному посессивному.

В болгарском языке таковы конструкции с предлогом:

1) *от* + общий падеж со значениями часть от целого, происхождение предмета, авторства: *изречение от текста* «предложение из текста», *разказ от Славейков* «рассказ Славейкова» и т.п.;

2) *без* + общий падеж со значением отрицательной принадлежности, т.е. с отсутствием у посессора объекта обладания: *дете без майка* «ребенок без матери», *човек без къща* «человек без дома» и т.п.;

3) *с* + общий падеж с участием краткого притяжательного или возвратно-притяжательного местоимения со значением совместимости как посессивного отношения: *старец с брада* «старик с бородой», *баща с сина му* «отец со своим сыном» и т.п.;

4) *на* + общий падеж в посессивном отношении самая характерная для болгарского языка конструкция. Данный предлог обозначает принадлежность одушевленному посессору в собственном смысле, выражает отношение одушевленного посессора к лицу, в том числе родственные отношения, часть целого, временные и пространственные отношения, признак и его носители и т.п.: *баща на Стоян* «отец Стояна», *поезия на Възраждането* «поэзия Возрождения», *краят на кавгата* «конец ссоры», *разписание на влаковете* «расписание поездов» и т.п.

Так выглядит посессивность в современном болгарском языке. Рассмотрим ее аналог в современном азербайджанском языке, где данная категория в обязательном порядке закреплена за именем существительным.

«Грамматика азербайджанского языка» – 60 приводит следующее определение категории принадлежности: «Категорией принадлежности называется отношение принадлежности между предметами событиями к совокупности грамматических отношений» [7, 31–34]. Речь о принадлежности между лицами, между лицами и предметами и отношениями между предметами. Известно, что отношение принадлежности -двустороннее: то, что (кто) принадлежит и то, чему (кому) принадлежит. Понятие притяжателя (собственника) выражается следующими значениями : указание исключительно на собственника, указание на местожительство лица, указание на родственные, близкие или далекие связи, указание на часть тела человека .

Всякое употребление личного местоимения с каким-либо словом не означает выражения отношения принадлежности. В азербайджанском языке для создания подобных отношений необходимо присоединить к этим словам аффиксы принадлежности, которые укажут на притяжателя и притяжаемый объект. Выбор аффиксов зависит от числа (единственного или множественного), в котором употребляется предмет (лицо) и его обладатель (также предмет или лицо). Аффиксы лица различны как для самих лиц, так и для их количественного выражения.

Способами выражения обозначенной категории является и использование двух слов в качестве словосочетания, а также опущение одного из слов (притяжательного местоимения). Анализ показывает, что при этом значения как первого, так и второго способа выражения совпадают и опущение притяжательного местоимения никак не сказывается на семантике посессивности : не умаляет его объема, поскольку в аффиксе принадлежности существительного это значение продублировано. А постоянное стремление речевого общения к стяжению, к экономии делает последнюю форму наиболее употребительной.

Предложенные выше положения, затрагивающие суть категории принадлежности в тюркских языках, легли в основу определения этой категории и в азербайджанской Грамматике – 80: «В то время как, некоторые языковеды оспаривают происхождение категории двумя способами, другие стараются доказать наличие трёх и даже четырёх способов» [8, 32].

Грамматика-80 анализирует аффиксы принадлежности в зависимости от лица и числа обладания, и от окончания корня, а приводит морфологический (в пределах одного слова) и морфолого-синтаксический (с наличием двух сторон – предмета обладания и обладателя) способы выражения категории посессивности в языке.

Категории посессивности в тюркских языках посвящены одноименные статьи Н.К. Дмитриева [9, 22–37] и Э.В. Севортяна [10, 38–44]. Н.К. Дмитриев начинает разъяснение данной категории в тюркских языках, сравнивая ее с подобным по значению словосочетанием согласовательного типа в русском языке. Нам представляется, что именно этот признак и позволяет выделить посессивность как грамматическую категорию с присущими ей показателями в тюркских языках и , наоборот, не выделять ее в славянских. Учёный приводит разные термины для этих аффиксов: аффиксы лица, личные аффиксы, местоименные или местоименно-притяжательные аффиксы, посессивные аффиксы и т.п. и отдает предпочтение термину «аффиксы принадлежности». При этом Н.К. Дмитриев вводит понятия *конкретной* и *абстрактной* принадлежности: тюркское слово с аффиксом принадлежности – пример конкретной абстрактности, а русское или болгарское словосочетание со значением принадлежности, выраженным отдельно от предмета, – примером абстрактной принадлежности. И эта абстрактная посессивность представлена в тюркских языках, поскольку и здесь идея принадлежности может выражаться синтаксическими средствами. В этом случае она – предмет синтаксиса, а не морфологии (как со случаем аффиксального выражения принадлежности).

Другой учёный Э.В. Севортян считает эту категорию сугубо морфологической, которая наряду с категорией падежа свойственна именам или другим разрядам слов, выступающим в функции имен, и говорит о морфологическом, синтаксическом и смешанном синтактико-морфологическом способах её выражения категории принадлежности. Учёный не соглашается с терминами конкретная и абстрактная посессивность, предложенными Н.К. Дмитриевым и говорит о различающихся по лицам и числам аффиксах притяжательности, отмечая что , аффикс 3 лица а также и 1 и 2 лица обоих чисел вовсе теряет личное значение и становится неличным.

В монографии Б.А. Серебренникова и Н.З. Гаджиевой [11, 94–101] посессивность представлена не как категория, а как форма всех лиц и чисел. По вопросу происхождения форм учёные предполагают, что аффиксы принадлежности представляют собой редуцированные формы личных местоимений. В этом они не соглашаются с А.Н. Щербак, который считает, что аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям [12].

В другом труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология» посессивность рассматривается уже как грамматическая категория, свойственная имени существительному [13]. Она рассматривается как особая часть речи, представленная во всех тюркских языках.

Такова, в целом, картина представленности категории посессивности при имени существительном в тюркских и славянских языках/

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь. – М, 1990.
2. Димов Д. Употреба на возвратного притяжательно местоимение / Д. Димов // Език и литература. – 1971. – № 3.
3. Пенчев Й. Едно употреба на рефлексивната кратка дателно форм. Български език, 1980, кн. 5.
4. Русинов Р. Субстантивни словосочетанея с предлоге без в съвременния български книжовен език / Р. Русинов // Език и литература. – 1971. – № 2.
5. Категория притяжательности в славянских и балканских языках : тезисы совещания. – М. : Наука, 1983.
6. Категория посессивности в славянских и балканских языках. – С.112.
7. Azərbaycan dilinin qrammatikas . – В.,1960.
8. Muasir Azərbaycan dili, II. h. – В.,1980.
9. Дмитриев Н. К. Категория посессивности. – В кн. : Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1956. – С. 22–37.
10. Севортян Э. В. Категория посессивности. – В кн. : Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М., 1956. – С.38–44.
11. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Б., 1979.
12. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. – Л., 1977.
13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988.

Сулейманова С. Категорія посесивності в аспекті контрастивної лінгвістики (на матеріалі тюркських і слов'янських мов)

Статтю присвячено дослідженню категорії посесивності у слов'янських, балканських та інших мовах. На основі аналізу лінгвістичної літератури (академічних граматик і вузівських навчальних посібників) представлені основні способи вираження

категорії посесивності. Автор вказує на засоби різних рівнів мови для побудови посесивних конструкцій: лексико-граматичні, словотворчі, морфологічні, синтаксичні.

Ключові слова: категорія посесивності, граматичний лад тюркських та слов'янських мов, контрастивна лінгвістика.

Suleymanova S. Category of possessiveness in terms of contrastive linguistics (based on Turkic and Slavic Languages)

The paper suggests a category possessiveness in Slavic, Balkan and other languages. Based on the analysis of linguistic literature (academic grammar and university textbooks), the main ways of expressing the category of possessiveness. The author points out the means of different levels of language to build a possessive constructions: lexical, grammatical, derivation, morphological, syntactic.

Key words: category, possessiveness, the grammatical structure of the Turkic and Slavic languages, contrastive linguistics.

Надійшла до редакції 22.05.09

Прийнято до друку 04.11.09

РЕЦЕНЗІЇ

О. О. Селіванова

РЕЦЕНЗІЯ

НА МОНОГРАФІЮ В. САМОХІНОЇ «СОВРЕМЕННАЯ АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ШУТКА». – ХАРКІВ : ХНУ ІМ. В.Н. КАРАЗІНА, 2008. – 356 С.

Рецензована праця виконана в ракурсі сучасної функціонально-комунікативної наукової парадигми, яка висуває перед дослідниками мови нові завдання – з'ясування взаємодії мовних одиниць і текстів із різноманітними чинниками їхнього занурення до дискурсивного простору. Такими чинниками є особистості мовця й адресата, інтеріоризоване буття соціуму, культура, представлена в синергетичному континуумі семіотичного універсуму, зокрема, й текстового.

Монографічна робота В. Самохіної є досить вдалою спробою зреалізувати окреслені завдання на матеріалі сучасного англомовного жарту, який розглядається дослідницею насамперед як головна одиниця гумористичного інтрадискурсу, представлена інваріантом мовленнєвого жанру й варіантами текстотипів, текстово-дискурсивних утворень (с. 9). На підставі комплексного аналізу композиційних, прагмастилістичних, когнітивних особливостей цього мовленнєвого жанру та його дискурсивних реалізацій авторка виформує власну оригінальну концепцію дослідження.

Новизна наукової праці В. Самохіної є безперечною і полягає в окресленні текстово-дискурсивної специфіки сучасного англомовного жарту, з'ясуванні когнітивного механізму створення комічного ефекту, встановленні типології жарту, його